

П. ТИВЧЕВ

ЛЕОНТИЙ МАХЕРА КАК ИСТОРИК КИПРА *

В хронике Леонтия Махеры, наряду с неприязненным отношением к борьбе народных масс, просматривается и традиционное для византийской историографии, под влиянием которой, несомненно, находился наш хронист, пренебрежительное отношение к чужеземным народам, враждебно настроенным к Кипру. Разумеется, здесь мы можем говорить только об известном влиянии в этом направлении: в полной мере византийское отношение к «варварам» проявиться не могло, так как условий для этого уже не существовало. Леонтий Махера сохраняет это отношение прежде всего к арабам и туркам.

Как уже было отмечено, Кипрское королевство занимало особое место в связях между Востоком и Западом. Возникшее в результате крестовых походов, оно продолжало политику западных феодальных государств и папства по отношению к мусульманским странам. Это маленькое государство получало поддержку и помощь от западных феодальных монархий, но очень часто было вынуждено и само отражать натиск турок и арабов. Леонтий Махера неоднократно пишет, что Кипр является «скалой в море, окруженной врагами, с одной стороны турками, с другой — арабами». В лице этих народов он видел злейших врагов христианства и Кипра. С чувством большого удовлетворения он сообщает о поражениях, которые турки терпели от кипрских войск, об опустошениях турецких областей, о взятии в плен или сожжении турецких кораблей и т. д.¹

Арабы называются в хронике «ворами» (οἱ κλέφτες Σαρακηνοί)², каирский султан — «диким волком» (ὁ λύκος ἄγριος)³ или «собакой-султаном» (τὸ σκύλλου τοῦ σουλτάνου)⁴. В другом месте читаем: «Теперь мы расскажем о трижды проклятом султани, который не хотел заключить мир...»⁵ Турки часто называются «неверными»⁶.

Значительная часть хроники вообще занята отношениями между Кипрским королевством, с одной стороны, и турками и арабами — с другой. Это показатель для определения того места и значения, которое имели мусульманские страны во внешней политике Кипра, а также западных государств. Уделено внимание и экономическим, особенно торговым, связям с Сирией и другими странами Леванта. Весьма обстоятельно рассказывается о том, сколько человек и кто именно были посланы в качестве послов для переговоров с султаном, раскрывается тонкая дипломатиче-

* Окончание. Начало см. ВВ, 35, 1973, стр. 165—180.

¹ *Leontios Makhairas. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus entitled Chronicle.* Edited with a translation and notes by R. M. Dawkins, I. Oxford, 1932, p. 124. 9—26, p. 132.7—134.12; p. 158.30—160.6 и т. д.

² *Ibid.*, p. 200.21.

³ *Ibid.*, p. 186.6.

⁴ *Ibid.*, p. 214.17—18.

⁵ *Ibid.*, p. 272.16—17.

⁶ *Ibid.*, p. 134.9 и др.

ская игра как со стороны восточных государей, так и киприотов, вмешательство генуэзцев и венецианцев, приводятся тексты заключенных мирных договоров и т. д. Хотя Леонтий Махера считает мусульман естественными врагами Кипра, он понимает выгоду от торговли с Востоком, то, что, благодаря этой интенсивной торговле, Кипр процветал. Вот почему он не ограничивается изложением только военного аспекта сложных взаимоотношений Кипра с арабами. Несмотря на ненависть к ним, он чувствует необходимость отметить, что торговцы из Фамагусты очень обрадовались, когда узнали, что будет заключен мир с Каирским султаном (1369—1370 гг.)⁷. Он сообщает также, что 24 ноября 1414 г. *с большой торжественностью и радостью* было объявлено о заключении мирного договора с Сирией. Многие аристократы и часть населения встретили это известие с недовольством⁸. По всей вероятности, это были не представители торговой среды, а лица, заинтересованные в продолжении военных действий, приносивших им добычу и рабов.

Следует отметить, что в целом отрицательное отношение в хронике к восточным народам имело в основе своей соображения религиозного характера. Для Леонтия Махеры турки и арабы оставались представителями чужой, глубоко враждебной христианству, религии.

Посмотрим теперь, каково было отношение автора к христианским народам. Надо сказать, что к некоторым из них он проявляет понятную ненависть, поскольку они были торговыми соперниками или врагами Кипра. В хронике непрестанно отмечается, например, алчность и вероломство генуэзцев. Нет более завистливых народов, по мнению хрониста, чем генуэзцы и армяне; за это они были наказаны богом. «Армяне владели двумястами крепостями и селами, но из-за зависти их потеряли, — пишет он. — Будем молить бога, чтобы то же случилось и с генуэзской общиной»⁹.

Генуэзская республика сыграла пагубную для Кипрского королевства роль. Как известно, в правление короля Петра I кипрское государство достигло значительных внешнеполитических успехов. Благодаря деятельности, которую развил этот энергичный король, в пределы его государства были включены новые территории (например Атталия и др.). Некоторые турецкие эмиры признали себя его вассалами (например эмиры Алайи и Моновгата)¹⁰.

Война с Генуэзской республикой в 1373—1374 гг. основательно подорвала экономическую и военную мощь Кипра. Из-за генуэзского нападения пришлось отозвать для усиления обороноспособности острова военные гарнизоны из крепостей на захваченных турецких территориях и бросить последние на произвол судьбы. В связи с уступкой города Атталии туркам Леонтий Махера пишет, что это случилось из-за генуэзцев. «Вернуть такую прекрасную крепость туркам было большим позором для христиан»¹¹.

Вследствие генуэзского вторжения пострадало население острова. Генуэзцы грабили и жгли, много людей было убито или убежало в горы. Враги захватили «прекрасную Фамагусту и благородную Левкосию». Помимо прямого грабежа, при заключении мирного договора с королевством они наложили тяжелую контрибуцию, которая поглощала большую часть средств кипрского государства.

Грабительский характер войны со стороны Генуи был ясен Леонтию. Во время генуэзского вторжения совершались не только грабежи; многие киприоты были погублены самым жестоким образом (четвертованы, сожжены и т. п.). Генуэзские войска, чтобы подавить сопротивление кипрского населения, выносили тяжелые приговоры, и экзекуции проводи-

⁷ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 284.1—10.

⁸ Ibid., p. 628.22—27.

⁹ Ibid., p. 510.21—26.

¹⁰ Ibid., p. 108.8—15.

¹¹ Ibid., p. 346.16—25.

лись с характерной для того времени суровостью. Особенно остро реагировали генуэзцы на попытки отвоевать Фамагусту. Греческие заговорщики, которые действовали в оккупированном городе, были убиты, четвертованы, и части их тел были выставлены на улицах города для устрашения населения¹².

Генуэзцы обрисованы как люди алчные, вероломные, которые с легкостью нарушали свои клятвы и заключенные соглашения. Так, например, генуэзский адмирал Пиетро ди Кампо Фрегосо, совместно с группой генуэзских капитанов, дал торжественную клятву в церкви св. Николая в Фамагусте, что они вступят в город только для переговоров с королем и королевой. Однако вскоре после этого генуэзцы арестовали короля и захватили обманом крепость: «И генуэзцы, адмирал и капитаны поклялись королю и аристократам, что они вступят в крепость для переговоров и что пусть будет, как то даст бог. И когда происходила литургия, они взяли короля, его мать и принца (антиохийского принца Жана Лузиньяна, дядю короля Петра II. — *П. Т.*) и отправились во дворец для переговоров. А затем генуэзцы вышли один за другим наружу и оставили только троих государей — короля, его мать и принца. И они закрыли их внутри и оставили без пищи и воды на весь день...»¹³

Генуэзцы неоднократно проявляли подлость. Вопреки обещанию сохранить безопасность во время ведения переговоров конетаблю Жаку Лузиньяну, одному из энергичных и смелых защитников острова, они предательским образом захватили его и заключили на долгие годы в Генуе¹⁴.

Вражда с генуэзцами продолжалась и после заключения мирного договора; кипрские короли несколько раз предпринимали попытки вернуть Фамагусту, но все они, из-за предательства, заканчивались неудачно. В одной из них участвовал и брат Леонтия — Петр Махера¹⁵.

Леонтий Махера подчеркивает и то, что генуэзцы подбивали каирского султана к походу против Кипра, чтобы тем самым ослабить королевство и лишить киприотов возможности вернуть себе Фамагусту¹⁶.

Причин для ненависти, которую Леонтий Махера питал к генуэзцам, имелось, как мы видим, достаточно.

Свое повествование о других, также не менее опасных торговых конкурентах — венецианцах Леонтий Махера ведет в более спокойном тоне.

Венецианцы тоже грубо вмешивались во внешнюю политику Кипрского королевства. Чтобы не пострадали их торговые интересы, они сорвали уже подготовленный поход кипрского короля против турок¹⁷. В другом случае венецианцы тайно отправили послов к каирскому султану, чтобы сообщить ему, что нападение христианского флота произошло без их ведома и они в этом не виновны¹⁸. Преждевременное разглашение венецианцами новости о том, что в 1366 г. с султаном будет заключен мир, нанесло, согласно хронисту, большой вред христианам. Многие из западных государей, которые имели намерение отправиться в поход против арабов, отказались от этого¹⁹.

Причина более мягкого отношения Леонтия Махеры к венецианцам заключается в том, что они были заклятыми врагами Генуи и их вражда с нею была, естественно, благоприятна для Кипра. Во время одного нападения венецианского флота, генуэзцы в Фамагусте были так сильно напуганы, что едва не отдали город киприотам²⁰.

¹² *L. Makhairas* Op. cit., I, p. 612.28—614.2.

¹³ *Ibid.*, p. 394.25—396.14; p. 396.15—404.10.

¹⁴ *Ibid.*, p. 542.1—544.11.

¹⁵ *Ibid.*, p. 616.10—618.24, n. 5.

¹⁶ *Ibid.*, p. 652.1—7.

¹⁷ *Ibid.*, p. 156.28—158.15.

¹⁸ *Ibid.*, p. 156.11—21.

¹⁹ *Ibid.*, p. 162.18—28.

²⁰ *Ibid.*, p. 580.18—584.14.

С венецианской помощью было собрано наемное войско из ломбардцев, немцев, французов, критян, венгров и англичан и отвезено на Кипр. Вмешательство этого наемного отряда оказалось решающим для спасения королевства в его борьбе с генуэзцами²¹.

Излишне говорить, что в хронике чувствуется теплое отношение к Византии и византийцам: киприоты являлись частью греческой народности и византийской религиозной общности. Леонтий подчеркивает, что латиняне ненавидели ромеев, т. е. греков. Он выражает недовольство тем, что предложение византийского императора Иоанна Палеолога выдать свою дочь замуж за кипрского короля Петра II было отвергнуто. Это произошло, пишет он, из-за старой ненависти, которая существовала между франками и ромеями.

Под тем предлогом, что в это время король вел войну с генуэзцами, предложение византийского императора было дипломатично отклонено. Причиной отказа явилось и скрытое соперничество между некоторыми латинскими аристократами, которые сами надеялись породниться с королем. Они даже приготовили большое приданое, пишет Леонтий Махера, но «все захватили генуэзцы»²².

В хронике уделяется внимание и византийской истории. Когда савойский граф Амедей, который имел намерение воевать против арабов, узнал от венецианцев, что между кипрским королем и каирским султаном будет заключен мир, он отправился помогать византийскому императору — своему племяннику. «Милостью всемогущего бога, император разбил турок и захватил много земель, которыми те владели»²³.

Мы уже видели, как относился Леонтий Махера к православию и православному духовенству.

Вся хроника проникнута глубоким патриотическим чувством. События, которые непосредственно касаются о. Кипра, передаются с позиций патриота, каким, несомненно, был Леонтий Махера.

С этой точки зрения интересны эпитеты, которые он употребляет по отношению к Кипру, к кипрским городам. Вот заглавие его произведения — «Повесть о *сладкой земле Кипр*». Хроника начинается фразой: «Во имя милосердного бога и пресвятой троицы, мы решили рассказать о *миллой земле Кипр*»²⁴. Он часто говорит с восхищением о главных городах Кипра — «чудесной Фамагусте и благородной Левкосии»²⁵.

Хронист гордится успехами и победами киприотов и, напротив, выражает свое огорчение по поводу их поражений или каких-нибудь несчастий.

В хронике рассказываются случаи проявления героизма со стороны киприотов. Генуэзцы, ограбив столицу Кипра Левкосию во время войны 1373—1374 гг., погрузили на телеги и верблюдов добычу (ткани, серебро и золото) с намерением отправить ее в Фамагусту. Один кипрский мальчик, который участвовал в погрузке добычи, тайком отправился в Кирению и рассказал об этом конетаблю Жаку Лузиньяну. Он сообщил также, что охрана, которая должна была сопровождать караван с добычей, состояла из 500 человек. «Я — киприот, и поэтому пришел сообщить тебе об этом (*καὶ διατὶ εἶμαι Κυπρίωτης ἦλθα νὰ σοῦ τὸ ποιήσω νόσιν*», — пишет Леонтий)²⁶. Благодаря своевременно полученному известию, Жак Лузиньян, вместе с отрядом в 500 человек, в котором было много и болгар,

²¹ *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 552.9—554.11.

²² *Ibid.*, p. 326.5—330.32.

²³ *Ibid.*, p. 162.18—28. Амедей VI воевал также против болгар — по просьбе Византии он совершил нападение на болгарские черноморские города; ср. *Л. В. Горина*. Походът на граф Амедей VI Савойски против България през 1366—67 г. — «Исторически преглед», XXVI, 1970, кн. 6, стр. 71—78.

²⁴ *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 2.1—3.

²⁵ *Ibid.*, p. 474.8—9.

²⁶ *Ibid.*, p. 438.4—15.

устроил засаду, разбил генуэзцев и отнял награбленные в Левкосии богатства ²⁷.

Хроника изобилует эпизодами героической обороны о. Кипр от генуэзцев. Особенную храбрость проявили киприоты при защите важной крепости Кирении. Осада велась генуэзцами с помощью большой боевой техники, по правилам и требованиям тогдашнего военного искусства. Атаки на Кирению проводились с суши и с моря. Гарнизон страдал, помимо этого, и от недостатка продовольствия. Среди защитников Кирении было много болгар, на которых возложили особые задачи: захват генуэзского конвоя с продуктами и оружием, сожжение с помощью греческого огня или выведение из строя стенобитных машин и т. п. ²⁸

Леонтий Махера рассказывает об ожесточенных боях между киприотами и генуэзцами, об успехах защитников крепости. Ему доставляет удовольствие подчеркнуть, что осаждающие испугались и отклонили предложение устроить единоборство с лучшими рыцарями Кирении ²⁹. «С помощью божьей киприоты всегда одерживали победу!» — восклицает хронист ³⁰.

Леонтий понимал, что латинское господство тяготит местное греческое население, что последнее находится в подчиненном положении. Латинские государи со своей стороны не чувствовали себя уверенно в чужой стране и принимали меры против возможного проявления недовольства. Феодальное латинское право предусматривало суровые санкции против местных жителей, которые пытались выражать свой протест. В хронике отмечается, что, если бедный житель Кипра поднимет руку на латинского рыцаря, он будет, согласно законодательству, наказан отсечением правой руки. «Это сделано потому, — пишет хронист, — что ромеев на Кипре было много, и для того, чтобы они не взбунтовались» (ὡς μὴν ῥεβελιάσουν) ³¹.

Леонтий Махера понял и отразил в своей хронике этот постоянный страх латинских феодалов перед бунтами местного греческого населения. В 1306 г. королева говорила тем аристократам, которые составляли заговоры против короля: «Не идите против государя своего и не устраивайте беспорядка на острове, вы откроете глаза народу, и он взбунтуется» (καὶ ἀνοίγετε τὰ μύατια τοῦ λαοῦ καὶ νὰ ῥεβελιάσουν) ³².

Действительно, греческое население неоднократно поднималось против чужеземных феодалов, о чем сообщает в хронике Леонтий Махера; однако он сам был тесно связан с правящей династией, и это мешало ему более полно раскрыть данную тему.

Небезынтересно проследить и отношение хрониста к религии. Уже отмечалось, что он был глубоко религиозным человеком, горячим приверженцем православия. Религиозное мировоззрение автора наложило свой отпечаток на всю хронику. В ней очень часто говорится о боге, его заповедях и т. п.; например, «бог сказал, любите ближнего своего, а мы делаем всякое зло перед лицом бога» ³³, или «бог не слышит гордецов, но смиренным дает победу» ³⁴ и т. д.

Для Леонтия Махеры большое значение имело соблюдение христианских правил и заповедей. Он специально обращает внимание на распоряжение, которое было оглашено в городе Левкосии и по всему Кипру 25 марта 1425 г.: «Никто да не осмелится в воскресенье продавать, покупать

²⁷ Ibid., p. 438.15—442.17; ср. П. Тивчев. Известия в хрониката на Леонтий Махера, стр. 47.

²⁸ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 482.32—484.16; ср. П. Тивчев. Известия в хрониката на Леонтий Махера, стр. 47—50.

²⁹ L. Makhairas. Op. cit., I, 486.37—488.8.

³⁰ Ibid., p. 464.17—18.

³¹ Ibid., p. 24.17—38. О феодальном праве на Кипре ср. К. Σάδας. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, т. VI. 'Εν Βενετίᾳ, 1877, σελ. 1—497.

³² L. Makhairas. Op. cit., I, p. 46.1—14.

³³ Ibid., p. 626.35—36.

³⁴ Ibid., p. 590.8—9.

или делать какую-либо другую работу, или привозить грузы извне. Кого увидят делающим это, тот будет брошен в темницу и наказан» ³⁵.

Как добрый христианин, он проводит мысль, что киприоты должны уповать на бога, а не на свое оружие. В связи с большим походом арабов против Кипра в 1426 г., который закончился поражением короля Януса, в хронике вставлен интересный рассказ, который Леонтий представляет как чудо. Юноша 16-ти лет, по имени Георгий, отправился вместе со своей матерью к «гробу Господню». В одном оазисе они остановились на несколько дней отдохнуть. Юноша убил из лука змея, но после этого его разбил паралич. Во сне он увидел трех молодых воинов, которые излечили его от внезапной болезни. Они были в полном воинском снаряжении и проехали мимо него на конях. На вопрос, куда они едут, они ответили, что посланы в помощь киприотам против арабов. Спустя несколько дней ему снова приснились три воина, которые возвращались назад. На его вопрос они ответили: «Бог нам приказал уехать с Кипра, потому что там надеются не на бога, а на свое обманчивое оружие, и поэтому мы его покидаем» ³⁶.

На этот рассказ Леонтия Махеры оказала влияние популярная греческая агиография, в которой очень часто говорится о трех царях, трех святых и т. п. В основу рассказа о юноше Георгии легла коптская легенда о чудесах св. Георгия ³⁷.

Как уже было отмечено, на первое место Леонтий Махера ставил христианство в его восточно-православной форме, придавая большое значение святым, чудесам и т. п., особенно тем, которые были связаны с Кипром или киприотами. Не меньшее внимание уделяет он и тем киприотам, которые предпочитали смерть отказу от своей веры. Примеров проявления религиозного фанатизма, как со стороны мусульман, так и христиан, в хронике имеется много. Во время похода против кипрского королевства в 1425 г. арабы увели много пленных. Некоторые из них, принуждаемые к принятию ислама, решительно отказались от этого и были умерщвлены. Леонтий пишет, что они предпочли смерть ради «сладчайшего Иисуса и христовой веры жизни в заблуждении... и церковь приобщила их к святым и канонизировала» ³⁸.

Леонтий Махера был воинствующим христианином. Для него долг христианина заключался в том, чтобы бороться против ислама, против турок и арабов. Религиозный фанатизм легко находил почву для существования в таком государстве, как Кипрское королевство, на границе, где наиболее остро сталкивались мусульманство и христианство. Как арабы и турки немедленно навязывали пленникам ислам, так и киприоты считали своим долгом крестить пленных мусульман. На острове было много арабов, крещенных их господами. В 1426 г., когда войска каирского султана вторглись на остров, кипрское правительство предусмотрело специальные меры по отношению к крещеным арабам с тем, чтобы они не перебежали к своим соплеменникам: их заключили в темницу в Левкосии. Леонтий считает, что эти меры были излишними, потому что многие, узнав о нашествии неприятеля, спасались бегством в горы. В хронике упоминаются имена рабов-арабов, которые, вместе со многими другими рабами, предпочитали скорее умереть, чем попасть в руки сарацин ³⁹.

О другом случае Леонтий Махера сообщает при описании событий 1424 г. Тогда султан послал шесть кораблей, которые сожгли Лемесо и нанесли большой ущерб Кувуклии. В последнем селении они обнаружили раба-сарацина по имени Томазо, который отрекся от христианства. Позд-

³⁵ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 630.4—9.*

³⁶ *Ibid., p. 648.3—650.30.*

³⁷ *Ср. R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle, p. 30.* Эти три воина были тремя святыми: первый — св. Георгий (о чем можно судить по имени юноши), второй — св. Димитрий, третий — св. Феодор (Феодор Стратилат или Феодор Тирон).

³⁸ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 638.1—14.*

³⁹ *Ibid., p. 656.10—29.*

нее, в 1429 г., этот раб был пойман и сожжен киприотами за отступничество⁴⁰.

Для хрониста указание вероисповедания при характеристике людей имеет исключительное значение. Например, говоря о посольстве, отправленном для переговоров с султаном, Леонтий сообщает, что кипрский король включил в его состав и одного еврея, Жана д'Альфонсо, который ранее крестился⁴¹. В других переговорах со стороны султана принимал участие геноузец, который стал мусульманином и принял имя Наср-эд-Дин⁴².

В «Кипрской хронике» часто сообщается об эпидемиях, появлении саранчи, наводнениях и других стихийных бедствиях. Автор объясняет эти явления также с религиозной точки зрения, рассматривая их как наказание за грехи киприотов⁴³.

Леонтий Махера не чужд и суеверий своей эпохи. Он верит в магию, приметы и знамения. Так, например, он рассказывает, что собранные на совет аристократы убеждали короля не допускать к себе приехавшего арабского посланника, так как тот может околдовать его вместе с войском, потому что арабы хорошо разбираются в этих делах и, благодаря искусству астрологии, могут сживать нас со света, говорили они⁴⁴.

В ночь с 6 на 7 июля 1426 г. в лагере королевского войска при Хирокитии было плохое знамение. В полночь появилась большая звезда, которая остановилась на небе, а потом упала на башню, где находился король. Войско перепугалось и всю ночь охраняло короля Януса⁴⁵. Это случилось накануне сражения с арабами, в котором королевское войско было разбито, а король взят в плен.

В другом месте хроники, опять в связи с поражением при Хирокитии, Леонтий Махера пишет, что приметы говорили правду: перед тем, как король был взят в плен, собаки лаяли, петухи не вовремя кукарекали, вороны каркали, совы кричали во дворе и в крепости. В то же воскресенье землю окутала мгла⁴⁶.

* * *

Наряду с мировоззрением Леонтия Махеры, интерес представляет и его исторический метод, его язык и стиль.

Автор имел своей целью прежде всего по порядку рассказать обо всех событиях, а не объяснять их. Отсюда характерное для средневекового летописания отсутствие разделения важного и второстепенного, значительного и мелкого, педантичное рассмотрение незначительных фактов и пренебрежение к крупным событиям или поверхностное их описание.

Хроника Леонтия Махеры носит в общем и целом черты такой средневековой летописи⁴⁷. Однако следует отметить, что она превосходит обычную хронику, главным образом благодаря попытке дать более глубокую интерпретацию событий и явлений.

Хотя и в его сочинении, наряду с событиями первостепенного значения, отводится место всевозможным мелочам, некоторые части «Кипрской хроники» выделяются своей содержательностью, попыткой раскрыть и показать причины, которые породили данное явление или событие. В этом отношении первая часть хроники, где не соблюдается строго хронологический принцип изложения, существенно отличается от остальной книги: она имеет, как мы видели, обзорный характер, отдельные ее разделы являются самостоятельными экскурсами о государственном и адми-

⁴⁰ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 632.3—13.*

⁴¹ *Ibid., p. 162.1—4.*

⁴² *Ibid., p. 184.16—186.5.*

⁴³ *Ibid., p. 60.25—30.*

⁴⁴ *Ibid., p. 644.14—21.* Речь идет о сыне одного дружески настроенного к киприотам арабского шейха, который предостерегал кипрского короля Януса от нарушения условий договора и вступления в войну с султаном Барсбаем.

⁴⁵ *Ibid., p. 658.2—7.*

⁴⁶ *Ibid., p. 668.18—25.*

⁴⁷ *Ср. К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 901.*

нистративном устройстве, о церковной организации, о латинском феодальном праве и т. д.

Леонтий Махера дает очень удачные и правильные объяснения причин ряда событий, проявляя при этом незаурядный ум и интуицию. Этому благоприятствовало и то обстоятельство, что Леонтий являлся непосредственным свидетелем некоторых событий, о многих из них узнавал от очевидцев. Зачастую он не удовлетворяется поверхностным объяснением событий, а ищет их более глубокие, скрытые причины⁴⁸. Он, например, понимает, что экономическое благополучие Фамагусты и Кипра определялось успешной торговлей с Сирией, с одной стороны, и с западными городами-республиками — с другой. Транзитная торговля давала возможность киприотам быстро обогащаться. После военного конфликта между Кипрским королевством и Генуэзской республикой, в результате которого Фамагуста была оккупирована, приток товаров на остров заметно уменьшился⁴⁹.

Для Леонтия Махеры не осталась скрытой и причина вторжения генуэзцев на Кипр в 1373 г. Под предлогом, что они идут на помощь королю Петру II и королеве-матери Элеоноре, чтобы восстановить их законные права, ограниченные аристократией, они попытались завладеть островом⁵⁰. Правильно раскрыты также причины вмешательства венецианцев во внешнюю политику королевства. Венецианцы имели значительные торговые интересы на Востоке и не хотели, чтобы им был причинен ущерб — поэтому они отправляли послов к каирскому султану, поэтому настаивали перед кипрским королем, чтобы он отложил тот или иной поход против арабов.

Вмешательство генуэзцев, которые подбивали каирского султана Барсбая к походу на Кипр в 1426 г., также хорошо объяснено Леонтием. Генуэзцы хотели ослабить таким образом Кипрское королевство, с тем чтобы киприоты не смогли вернуть Фамагусту. Со своей стороны и эмир Алайи, Караман-бег, поощрял султана Барсбая к походу на Кипр, стремясь лишить киприотов возможности нападать на его владения⁵¹.

Отчетливо показано в хронике стремление феодальной аристократии приобретать все новые поместья и власть в королевстве. Во имя этого аристократы были готовы на любые компромиссы и даже преступления. Леонтий Махера подчеркивает присущую им алчность, которая толкала их к нападениям на турок и арабов в расчете захватить добычу и рабов. Аристократы, согласно автору, оказывали серьезное влияние на внешнюю политику королевства. Они систематически нарушали заключенные с арабами договоры, снабжали кораблями, оружием и продовольствием пиратов, скупали у них добычу и т. п. Это вызвало недовольство султана, который несколько раз предпринимал опустошительные походы против Кипра. Некоторые из этих походов имели катастрофические последствия для королевства.

Примеры, которые ясно говорят о весьма реалистическом подходе Леонтия Махеры к событиям, о правильной и трезвой их интерпретации, можно было бы увеличить, но в этом нет необходимости.

Однако, наряду с этим, в хронике отдана дань провиденциализму. Многие события объясняются «волей божьей» («так пожелал бог», «по божьему попущению» и т. д.)⁵². Религиозный дух, вера во вмешательство бога и сверхъестественное, покрывают все его произведение своеобразной амальгамой.

⁴⁸ Согласно Доукинсу (*R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle*, p. 30—31). Леонтий Махера не приводит в систему и не устанавливает связь между событиями, у него наличествует лишь одна рудиментарная идея причинности.

⁴⁹ *L. Makhairas. Op. cit.*, I, p. 80.13—82.2, п. 1.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 334, 10—24 sq.

⁵¹ *Ibid.*, p. 652.7—11.

⁵² *Ibid.*, p. 426.14—19; p. 464.19—20 и т. д.

Характерным для исторического метода Леонтия Махеры является переоценка им субъективного фактора. Он подчеркивает роль и значение отдельной личности, особенно королей. На первый план в хронике поставлена личность короля, он является главной фигурой во многих событиях, он издает приказы о походах и войнах, заключает мир и т. д. В действительности большая власть в королевстве принадлежала аристократии и именно она определяла внешнюю и внутреннюю политику государства. Из самой хроники видно, что, как только король превышал свои права и пытался вести относительно самостоятельную политику, аристократы выражали протест, ссылаясь на ассизы. Латинская аристократия ревниво охраняла свои права и привилегии и при нарушении их королем остро на это реагировала. Иногда попытки короля действовать более самостоятельно заканчивались его убийством (как это было в случае с королем Петром I). Идеализация и переоценка роли короля объясняется, возможно, влиянием византийской традиции, от которой Леонтий Махера заимствовал идею сильной центральной власти.

Автор хроники считает, что если бы сыну дружески настроенного к киприотам арабского шейха удалось вступить в личный контакт с королем и передать ему все порученное отцом, то, по всей вероятности, события могли принять другой оборот. Но аристократы сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать этому. Сын шейха уехал, так и не переговорив с королем Янусом ⁵³, и последующие события привели к войне с каирским султаном, закончившейся катастрофой 1426 г.

Наряду с королем, видное место в хронике занимают и другие лица. Например, конетабль Кипра Жак Лузиньян, брат короля Петра I и дядя Петра II, после которого он сам стал во главе кипрского государства, изображается автором чересчур идеализированно. Конетабль Кипра, действительно, был энергичным и смелым защитником королевства в его борьбе против Генуи. Однако Леонтий Махера рисует Жака Лузиньяна в каком-то героико-сентиментальном плане, преувеличивая его заслуги. Согласно хронисту народ видел в его лице защитника и не отпускал из Левкосии. Из Кирении Жаку Лузиньяну было отправлено письмо, в котором население просило его прибыть в эту крепость и стать во главе ее, потому что «нет другого, который бы любил этот остров больше тебя» ⁵⁴. Народ в хронике рисуется как беспомощная толпа, которая ничего не может сделать без Жака Лузиньяна. Но если бы местное население острова не оказало завоевателям самоотверженного и решительного сопротивления, Жак Лузиньян, этот действительно способный полководец, едва ли мог иметь успех.

Иногда в хронике на первый план выдвигаются третьестепенные причины важных событий. Так, например, причиной обострения ненависти между королем и аристократами, поведшей к организации последними заговора и убийства Петра II, Леонтий Махера считает спор, разгоревшийся между королем и Генрихом де Жибле из-за двух турецких охотничьих собак ⁵⁵.

Но, наряду со слабостями такого рода, необходимо отметить стремление автора к объективности, к сообщению обильной информации. Он приводит подробные сведения о лицах, цифровые данные о потерях неприятеля и киприотов, о размере налогов, перечисляет имена послов, заложников, пленных, дает описание боевых машин и т. п.

Леонтий Махера заявляет, что будет беспристрастен при сообщении о потерях генуэзцев на войне. «Если кто-нибудь имеет желание узнать,—

⁵³ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 640.17—646.25. R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle, p. 29.* Доукинс считает, что Леонтий Махера передал этот рассказ, который встречается и у других авторов, несколько иначе. Он заимствовал драматическую форму рассказа.

⁵⁴ *L. Makhairas. Op. cit., I, p. 380.24—26.*

⁵⁵ *Ibid., p. 240.32—252.32; p. 252.33—268.10.*

пишет он, — сколько генуэзцев, их войска, погибло в Кипрском королевстве, я ничего не буду преувеличивать с целью прославить наши, кипрские, войска по сравнению с генуэзскими»⁵⁶.

Однако, несмотря на это заявление, потери противника, несомненно, преувеличены, а киприотов — уменьшены. Хронист сообщает, что киренийцы, среди которых имелись отличные стрелки и где находился Николай Махера, убили за один день 400 (!) генуэзцев⁵⁷. Эта цифра выглядит явно завышенной, если иметь в виду характер военных действий и численность войск (2—3 тыс. человек с каждой стороны).

Вообще цифровые данные в некоторых случаях, очевидно, не соответствуют действительности. Так, например, в битве при Хирокитии, по сведениям Леонтия, было убито 20 киприотов. Он называет их имена. Однако, если произвести подсчет, то можно увидеть, что погибших при Хирокитии киприотов, о которых сообщает сам хронист, оказывается значительно больше. После перечисления имен 24 убитых аристократов, в том числе и 8 немецких рыцарей и 10 человек из простого народа, Леонтий Махера пишет, что погибло также много сирийцев, армян и морейцев (из Пелопоннеса)⁵⁸. Следовательно, число убитых с кипрской стороны было в несколько раз больше, чем указанные два десятка человек.

Характерной чертой исторического метода Леонтия Махеры является также привлечение им документального материала. Как было отмечено выше, в своем изложении хронист цитирует международные договоры, королевские указы, письма и т. п. Это одна из положительных сторон его труда. По всей вероятности, автор имел доступ к обширным архивным фондам двора. Документы приводятся дословно, без всякой обработки, что, бесспорно, повышает ценность хроники как исторического источника.

Положительным моментом в труде Леонтия Махеры является и подробная датировка событий. Местами они прослеживаются буквально по дням⁵⁹. Возможно, автор делал для себя какие-то заметки наподобие дневника. Некоторые из цитированных им писем имеют точные даты, с обозначением дня, месяца и года.

Леонтий Махера любит, кроме того, передавать речи, которые были произнесены по тому или иному поводу. Можно допустить, что какая-то часть этих речей действительно была произнесена, а какая-то или свободно передана автором или просто вымыслена им для придания своему рассказу более живого характера.

Леонтий Махера мастерски включает в хронику истории и эпизоды, возбуждающие интерес у читателя. Он рассказывает пикантные случаи из интимной жизни двора и высшей аристократии (например, о том, что в отсутствие королевы король Петр I засыпал с сорочкой своей супруги, о его любовницах, о том, как одну из них королева заключила в монастырь, и та прожила в башне целый год, хотя от этого красота ее не померкла, о любовной связи королевы Элеоноры с Жаном де Морфу, графом Руха, о которой говорил весь народ, даже дети и др.)⁶⁰. Леонтий Махера пускается в рассуждения о любви, о том, как опасны женщины, делает интересные сравнения⁶¹.

Благодаря всему этому «Кипрская хроника», хотя значительная ее часть носит характер чисто исторического сочинения, становится более сочной, колоритной. Это удовлетворяло определенные литературные

⁵⁶ *L. Makhairas. Op. cit.*, I, p. 466.27—30.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 458.19—31.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 664.21—666.13.

⁵⁹ *R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle*, p. 9—11.

⁶⁰ *L. Makhairas. Op. cit.*, I, p. 218.25—220.2.

⁶¹ *Ibid.*, p. 574.19—33: «Узнайте от меня, как страдают мужчины, которые любят женщин и верят их словам...», — начинает свои поучения Леонтий. Об этих рассуждениях как проявлении средневековой сатиры на женщин см. *R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle*, p. 19—20.

запросы людей того времени, их потребность узнать нечто интересное, пикантное, что возбудило бы воображение, воздействовало бы на них эмоционально. В этом отношении хроника Леонтия Махеры имеет не только познавательное значение. Она представляет собой произведение, в котором содержатся и некоторые элементы художественной литературы.

Автор хроники разнообразит и расширяет свое повествование и рассказами о различных святых и чудесах. Специально подобранные (они связаны с кипрской церковью), эти рассказы являлись определенной формой идеологического и патриотического воздействия на читателя. Используя агиографическую литературу, Леонтий Махера последовательно проводит в своей хронике скрытую антилатинскую тенденцию.

Одним из литературных приемов автора является широкое употребление сентенций, высказываний древних философов и народных поговорок. Все это обогащает «Кипрскую хронику»⁶².

Язык, которым написана «Кипрская хроника», — вульгаризированный кипрский диалект. Леонтий Махера употребляет много иноземных слов, преимущественно французского и итальянского происхождения, грецизированных по форме, например: ἀπλαζίρη от французского *plaisir*; ξέμπλην, ὀξέμπλην от французского *exemple*; ζιντιέμιους от французского *gentilhomme*; τζάμπρας от французского *chambre* и многие другие⁶³.

В стиле «Кипрской хроники» чувствуется влияние народных рассказов. Леонтий Махера часто использует диалоги и прямую речь, которые придают силу и драматизм его повествованию. Сравнение диалогов Махеры с собранным на Додеканезах фольклорным материалом показало большое их сходство⁶⁴. Леонтий Махера пишет сжато, его фразы иногда не закончены, что до известной степени неблагоприятно отражается на смысле сказанного. Он пишет, будто говорит. Как отмечал К. Крумбахер, Леонтий Махера не имел представления о построении предложений⁶⁵. Действительно, он меняет подлежащее, не соблюдает правил синтаксиса. Это наблюдается в обычной простонародной греческой речи и в новое время⁶⁶.

Однако рассказ Леонтия Махеры не лишен красоты и выразительности. Он употребляет восклицания, которые придают живость и непосредственность изложению. Леонтий хороший рассказчик, его повесть, несмотря на некоторые трудности, читается с увлечением.

«Кипрская хроника» Леонтия Махеры была позднее широко использована и переведена. Неполный ее перевод был сделан Диомедом Страмбальди на венецианский диалект итальянского языка; в этом переводе допущено много ошибок. Сочинение Леонтия использовано в хронике Франциско Амади, хотя тот определенно об этом и не сообщает. Из «Кипрской хроники» заимствованы сведения и для написания итальянской истории о Кипра Флорио Бустроном (ум. в 1570 г.) и его продолжателем Георгием Бустроном⁶⁷.

В новое время появились французский перевод Е. Миллера и К. Саффи и английский — Р. М. Доукинса⁶⁸.

⁶² См. *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 2.11—12; p. 10.13—14; p. 184.33—186.5; p. 390.26—27; p. 472.6; p. 478.17—22; p. 526.18—19; p. 536.2—3; p. 554.14—17; p. 670.6—7. О поговорках и сентенциях в хронике Леонтия см. Ф. Κουκουλέας. Παροιμιαί καὶ γνωμικά ἐν τῇ Χρονικῇ Λεοντίου Μαχαίρᾳ. — «Αθήνα». 58, 1954, σελ. 235—242.

⁶³ О языке хроники Леонтия Махеры см. К. Σάθας. Op. cit., σελ. 20 ἐπ.; *L. Makhairas*. Op. cit., II, p. 31—40, 235—276.

⁶⁴ *R. M. Dawkins*. The Nature of the Cypriot Chronicle, p. 20—21.

⁶⁵ *K. Krumbacher*. Op. cit., S. 901.

⁶⁶ *R. M. Dawkins*. The Nature of the Cypriot Chronicle, p. 21—22.

⁶⁷ Ср. *K. Krumbacher*. Op. cit., S. 901—903. Итальянский перевод Д. Страмбальди см. *M. L. de Mas Latrie*. Collection de documents inédits sur l'histoire de France. I. Paris, 1891—1893, p. 1—11; *idem*. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan, II. Paris, 1852, p. 338—357.

⁶⁸ *E. Miller* — *C. Sathas*. Λεοντίου Μαχαίρᾳ Χρονικὸν Κίπρου. Chronique de Chypre, I—II. Paris, 1882; *L. Makhairas*. Op. cit., I.

Настоящая статья не имела своей целью дать полную и исчерпывающую характеристику Леонтия Махеры и его хроники. Она представляет собой только скромную попытку, предпринятую в этом направлении. Проблемы, связанные с «Кипрской хроникой», преимущественно с изучением социально-экономической истории Кипра, будут объектом нашего специального исследования.

«Кипрская хроника» богата по содержанию и велика по объему, она справедливо считается одним из наиболее важных источников по средневековой истории Кипра.

Когда кипрский грек Леонтий Махера, движимый глубоким патриотическим чувством, создал «Повесть о сладкой земле Кипр», он оказал неоценимую услугу своей родине, описав длившийся несколько столетий тяжелый период ее истории.